

Непонятно, чем бы завершилась перебранка Хидана и Тани, в случае если бы в ход мероприятий не вмешался всевластный случай. Стоило Хидану некоторое количество один взмахнуть косой, как ливень перевоплотился в наисильнейший дождь. Фон видимости оборвалось на расстоянии вытянутой руки. Вода за секунду сделала грунтовую проезжую часть в грязевое топь. Не было и речи о том, дабы изображать ритуальный круг кровью.

Хидан зло потряс кулаком в сероватое небо и выругался:

— Ну, ебать мой хуй! Джашин-сама! Какого линия ты послал сраный ливень как раз сейчас?!

Тани облегчённо вздохнула.

— Для тебя не помешает остудиться, — произнесла она.

В грядущий момент Хидан поймал её за ворот юкаты и потянул на себя.

— Я предостерегал, будешь крепко выебываться... — сварливо начал мужик, но оборвал фразу.

Оба отдавали себе отчет: он её не убьёт. Назло всем заповедям Джашина. По последней мере, не тут и не в данный момент. Интенсивное безмолвие, повисшее меж ними, было звучным по причине шумящего дождика. Тани с мощью выкрутилась из его хватки. Её ноги заскользили по грязищи, но чудом ей получилось сберечь равновесие.

Тани не отдавала себе отчет, рыдает ли она, или же это капли ливня стекают по щекам. Тела приятелей, хоть и прятались за пеленой воды, давили на неё собственным пребыванием.

— В случае если не убьёшь меня, то но бы арестуй отсель, — попросила она, не смотря на Хидана.

— Клянусь Джашином, как бы я желал забыть тебя возлежать здесь! — проворчал мужик.

Тани ощутила его руки на собственной талии. Их мороз пробирал сквозь влажную материал юкаты до самых костей.

— Но ты не можешь... — отозвалась женщина.

— Не могу... Ебучий дождь!

Он схватил Тани на руки и направился долой с широкой дороги.

Дождь всецело погубил все отпечатки, и шиноби, расследующим крах подразделения патрульных, оставалось только ворожить, кто и для чего например безжалостно расправился с их товарищами...

Наконец Хидан и Тани добрались до подходящего поселения. В отличие от курортного мегаполиса, в котором они гостили до этого, это была небольшая деревушка, далёкая от морского побережья, сокрытая между густого леса и гор. В ней было не более 10 кратких улиц, утыканных тёмными, одноэтажными домиками, основная масса из коих пустовали. Малочисленные районные обитатели лениво развалились на лавках возле собственных потрёпанных домов. Они провожали парочку новоприбывших прохладными, тягучими взорами.

Тани было не по для себя от данных людей, но когда она выяснила 1-го из них, ей стало на самом деле жутко. Возле невысокого домика посиживал, скрестив ноги, Кента Кичи — большой рыжеватый мужчина, более подобный на медведя, чем на человека; грустно знакомый

убийца и похититель, на чьём счету было не меньше 2-ух сотен злодеяний. Ловля за Кентой проводилась еще во эпохи, когда Тани обучалась в академии, но правонарушителя например и не изловили. Его фоторобот лицезрел любой шиноби Жаркого Источника, и вот ныне он восседал перед Тани во плоти: некоторое количество постаревший, но все еще большой, наизлоуещий и катастрофически критический. Его зелёные очи злоуще сверкали из-под лохматых бровей, когда он глядел на девушку.

Хидан, подметив это, выдал:

— Эй, Кента, ты бы хоть сходил, помылся! У нас постояльцы, — он кивнул на Тани, — а от тебя несёт за километр!

Кента без охоты перевёл взор на него.

— Нарываешься, Хидан, — процедил он через зубы.

— Ха! Как как будто ты имеешь возможность что-нибудь мне сделать!

Кента издал нечленораздельный рык. Судя по тону, это было ругательство. Хидан ухмыльнулся и двинулся далее. Тани поторопилась за ним. Имеет возможность быть, Хидану Кента ничего не имеет возможность устроить, а вот ей — еще как может!

Оглядываясь по сторонам, женщина отмечала только нахмуренные, интенсивные лица. Отпечатки актуальных невзгод и гонений детально читались на них. С кое-какими из районных обитателей Хидан переброеился парочкой текстов, другие ограничивались слабеньким кивком головы.

«Если они мирятся с прибытием Хидана и соседством Кенты, — задумывалась Тани, — означает, они все преступники».

И вправду, она выяснила еще нескольких из их по фотороботам. Нукенины, наёмники, грабители — их всех группировали колющий, прохладный взор и утраченная в бегах великолепие. Какое страшное место! Это аутентичный островок ада на земле, притянувший к для себя всех разбойников в окружении. И ныне она, Тани, между них...

Женщина обернулась по сторонам. Высочайшие деревья и горы на горизонте внезапно стали сумрачными и давящими, как будто стенки видеокамеры допроса Мичи Хори. В что момент Тани бесповоротно поняла: куда бы она ни пошла, собственно что бы она ни проделала — она в западне до конца собственных дней. Окруженная правонарушителями, разгуливающая с правонарушителем, безмолвная соучастница кровавых ритуалов — кто ныне поверит в то, собственно что в ней еще осталась доброта?

Дом, в который её привёл Хидан, был тёмным и сырым. Обставленный небогато и элементарно, он был подобен на тюремную видеокамеру. Тесноватая кухня, раз футон на древесном полу, небольшие узенькие окна... О да, ныне это реальное заключение!

Тани, измученная пережитыми мероприятиями, более не имела возможность содержать себя в руках. Сумрачная воздух свежего жилья давила на неё, будто бетонная плита. Женщина закрыла личность руками и спустилась на колени. Слезы полились по её щекам, просачиваясь меж пальцев.

Хидан, который, в последнее время, был нередким очевидцем психологических срывов Тани, раздраженно фыркнул.

— Блядь, она снова начала... Джашин-сама, дай мне сил это вытерпеть!

Но Тани, казалось, не направила интереса на его шпилька. Её духовная боль была так великовата, собственно что чуть ли ей могло замерзнуть ужаснее. Она продолжала отчаянно рыдать.

За это время Хидан присел вблизи с Тани и немного приобнял её за рамена. Женщина оторвала ладошки от лица и взглянула на него красноватыми от слёз очами. Это был отрешенный взор человека, пережившего большущее несчастье, измученного и больного. Хидан поежился.

— Тани, пупсик, для тебя не надоело плакать? — задал вопрос он. — Мне вот пиздец как надоело выслушивать твои рыдания!

В его голосе звучало неприкрытое недовольство. Тани обиженно всхлипнула.

— Да неужели? Не ври, для тебя нравится, когда люд страдают! В следствие этого ты и взял меня с собой! Ты элементарно желал поиздеваться надобно мной еще и ещё!

— Собственно что за бред?! — выказал свое возмущение Хидан. — Ты не все например считаешь?! Ха! Ты невнимательно меня слушала! Глумиться, но не убивать — это грех! Будь ты моей жертвой, ты бы уже была мертва.

Тани утёрла слезинки рукавом юкаты.

— Например отчего я до сих времен жива?

Она оборотилась к Хидану и взглянула на него в упор. В глубине души она возлагала надежды, собственно что спровоцирует его. Но, что не наименее, она все еще опасалась гибели.

Хидан вскипел:

— Не задавай мне более данный вопрос! Элементарно проживи и не задрочивай меня!

Сказав это, он нахмурился и побагровел. Он всякий раз злился, когда Тани напоминала о том, собственно что он, по сущности, грешник — не убивает ближнюю собственную.

Кое-какое время они молчком посиживали вблизи, в неуклюжих полуобъятиях, как будто сами не отдавали себе отчет, нравится им быть вблизи, или же нет. На лице Хидана читалось возмущение, но он не отходил от Тани. Женщина уже не рыдала, что не наименее, картина у неё был в высшей степени бесталанный. Время от времени они переглядывались меж собой и, казалось, желали что-нибудь заявить приятель приятелю, но не находили подходящих текстов.

Тани положила обе руки на животик. Он стал этим большущим и томным, что, казалось, ребёнок имел возможность возникнуть на свет в всякую минутку. Напрямик в данный момент, пока же они посиживают на полу темного жилища, собственно что располагается в деревне, абсолютной бандитов и отморожков. Появляться на свет в этом пространстве — несчастье для живого существа.

Думая о трудной участи, которая ожидает их ребёнка, Тани не обнаружила, как Хидана обнял её крепче. Он поцеловал её в висок, и Тани немного улыбнулась.

— Ты будешь страшным основателем, — произнесла она, — а я буду страшной мамой. Мы станем нелучшими опекунами в мире.

Хидан саркастически фыркнул.

— Ты буквально будешь страшной матерью! — сказал он. — Ты рыдаешь более всякого младенца!

— Ты еще ужаснее! Ты абсолютный псих! Малютка станет опасаться тебя до гибели, — не осталась в долгу Тани.

— Эй! Я не подобный плохой! Уж буквально не с детьми!

Тани нервозно рассмеялась, чем вызвала свежую вспышку возмущения у Хидана. Целый сохранившийся денек они провели, выясняя, кто же станет наилучшим опекуном. А на грядущий вечер у Тани стартовали схватки.

В что момент Хидана не было вблизи. К счастью, возле Тани дежурила дама по имени Сато — темного облика брюнетка, которая, по всей вероятности, в свое время была иренином. Хидан познакомил их практически за некоторое количество часов до схваток, попросив Сато присматривать за собственной подругой в его недоступность. Тани не знала ни её биографии, ни такого, как Сато оказалась между преступников, и от сего ей было проще.

Муки схваток оказались свежим ударом участи для Тани. Женщина в том числе и предположить не имела возможность, собственно что телесная боль имеет возможность быть так крепкой. Знай она об данном, буквально предпочла бы умереть! Казалось, все её внутренности выходили наружу. Её крепко тошнило, и она поминутно теряла понимание, а когда понимание воротилось к ней, она орала на пределе голоса, и данный вопль оглушал её саму.

Её допекали галлюцинации. Она лицезрела, как её основатель, мама, Хидэо, Хирото, Масато, Такеши, Орино вошли в жилище сквозь окошко. Они окружили её и орали от боли совместно с ней. За их спинами высился возвышенный темный силуэт — Джашин. Капли крови стекали с его острых желтоватых клыков, голых в животном оскале. Его круглые красные очи горели голодным огнём, предвкушая рождение свежего приспешника. Тани пробовала выгнать его, но он не уходил; только смеялся, будто безумец.

Схватки продлились всю ночь и всё утро. Ребёнок был замечен на свет только в полдень надлежащего дня. Когда боль начала постепенно гаснуть, Тани была уверена, собственно что погибает. И здесь её воспалённый мозг, будто лезвие, пронзил ребяческий рыдание. Женщина попробовала разлепить томные вежды, но ей не хватило сил. Она заметила только неширокую полоску дневного света, а впоследствии незамедлительно потускнела понимание.

Тани приходила в себя длительное время и негативно. Огромную доля времени она пребывала в глубочайшем сне без сновидений. Временами проблески действительности доходили до её сознания: она слышала голоса кругом себя, испытывала прикосновения, лицезрела свет сквозь щель меж опухших век. А затем вновь погружалась во тьму...

Вдали не незамедлительно Тани сумела обнаружить очи и немного приподняться. Она заметила Сато, сидящую возле её футона.

— Где ребёнок? — беззвучно шепнула Тани.

Сато смолчала.

Тани мутным взглядом произвела осмотр комнату и не обнаружила ничего подобного на

колыбельку. Она изнеможенно рухнула на фuton и закрыла очи. Нелучшие боязнь захватили её думы.

«О нет... Он арестовал его.. Он арестовал его и дал Джашину...» — задумывалась она.

Когда Тани пришла в понимание в грядущий раз, в жилище стояла полутьма. Судя по красноватым бликам на древесном полу, за окошком промышлял рассвет. Женщина обернулась по сторонам и обнаружила Сато, дремлющую на футоне возле неё. Она с мощью потрясла её за плечо. Сато мгновенно пробудилась.

— Где ребёнок? — с напором в ослабшем голосе задала вопрос Тани.

— Дремлет, — дала ответ Сато и вяло закрыла очи.

Тани вновь потрясла её за плечо.

— Покажи мне его!

Сато медлительно поднялась с футона и направилась в самый тёмный угол комнаты. Тани шатающейся походкой пошла за ней. Горница плыла у неё перед очами, грозя раствориться и пропасть. Любой шаг, любая секунда давались Тани с большим трудом, но её вожеление увидеть ребёнка двигало её вперёд, не считаясь со слабостью.

Сато тормознула у невысокого столика. На нём стояла небольшая кровать из плетёных прутков, подобная на плетенку, в каких молоденькие девицы реализуют цветочки. Было мрачно, и Тани схватила кровать, дабы поднести её к окошку. Сато не успела в том числе и вскрикнуть.

Присев на пол возле окошка, Тани поставила кровать вблизи с собой и уставилась на неё, будто зачарованная. Там, завернутый в белоснежную пеленку, спокойно спал очень маленький малютка.

На очи Тани навернулись слёзы.

Вот он, ребёнок, доставивший ей столько боли. Зачатый в насилии, первопричина повального презрения и изгнания собственной мамы. Живое аттестат её стыда и кризиса. Виновник её болезненности и слабости. Дитя безжалостного безумца.

И какой же он очень маленький, какой невинный! Ни безжалостная предыстория рождения, ни мучения, выпавшие на долю Тани во время беременности, ни безрассудная вера Хидана — ничего не оставило на нём оттиска. Ему было чуждо всё зло сего мира.

Ребёнок сладко посапывал в собственной комфортабельной кровати, немного приотворив ротик. Тани аккуратненько погладила его волосики — тёмно-каштановые, как и у неё самой, эти мягонькие и ласковые. Она не сумела задержать ухмылку.

Малютка здесь же пробудился. В первую секунду Тани вздрогнула — на неё взглянули выразительные очи вишнёвого цвета — как раз как у Хидана. Но в их не было ни злости, ни беспощадности. Это был незапятнанный, искренний, безоблачный взор. Тани привиделось, он улыбнулся ей. Вслед за тем ребёнок вновь перекрыл очи и окунулся в беспечный детский сон.

Тани смахнула слезинки с око.

— Мой малыш... — с ухмылкой шепнула она, смотря на малыша.

— Это девчонка, — произнесла Сато, зевая в кулак.

Тани улыбнулась еще обширнее.

— Означает, моя малышка.

Она аккуратненько взяла дочку на руки и положила на фuton, вблизи с собой. Укладываясь, она вновь посмотрела на малютку. Та спала, посасывая большущий пальчик на руке.

Тани, пододвинув ребёнка поближе к для себя, перекрыла очи. В первый раз за длительное время она засыпала с чувством чего-то лёгкого, веселого и приятного на душе.

Когда Тани пробудилась, то в первую очередь пошерудила рукою по футону. Не нащупав малышку вблизи с собой, она обширно раскрыла очи и скачком поднялась на ноги. Первым, кого она обнаружила, был Хидан, сидячий на полу возле раскрытого окошка, из которого лился броский солнечный свет. Малышка была у него на руках.

Хидан искоса взглянул на неё и ухмыльнулся.

— А! Пробудилась, принцесска?

Тани ничего не дала ответ. Её взор был прикован к малышу. В душе девицы назревало мощное волнение, но Хидан не проделывал ничего страшного, только немного покачивал ребёнка. Малышка то раскрывала очи и глядела на папу, то вяло закрывала их.

— У тебя была замечена соперница-принцесска, — шутливо заявил он. — Но по численности истерик ты пока же лидируешь, Тани. Младшенькая еще ни разу не зарыдала у меня на руках.

Тани фыркнула и закатила очи.

— Её надо покормить... Вероятно, — произнесла она, указывая на дочь.

Хидан отделался.

— Я уже всё устроил, пока же ты дрыхла.

Он аккуратненько исправил пелёнку, в которую была завёрнута малышка. Тани глядела на это с подозрением. Неуж-то он намеревается быть внимательным отцом? Это абсолютно не то, чего возможно было от него ждать.

— Ты обнаружила, как она смахивает на меня? — задал вопрос он у Тани.

— Абсолютно слегка, — ухмыльнулась женщина. — Она более смахивает на меня.

Тани подошла к малышке и аккуратненько погладила её. И вновь залюбовалась её ангельским лицом и незапятнанным, не закрытым взором. Нет, она буквально не имеет возможность быть смахивает на Хидана. Но мужик настаивал.

— Да приглядишься же, она как будто мой теневой клон, лишь только мелкий! И девочка! Ну и, ладно... брюнетка.

Тани улыбнулась собственной малехонькой победе. Хидан продолжил:

— Вот узреешь, когда она подрастёт, то станет буквально, как я! Кстати, бабы джашинистки еще ни разу не обретали бессмертие. Наша дочь станет первой!

Смех мгновенно скрылась с лица Тани. Она обеспокоенно посмотрела на Хидана, а вслед за тем на малышку. Данная девчонка, она эта незапятнанная и невинная! Как возможно с рождения обрекать её на службу злому богу?! О нет!

— Сего не станет, — дала ответ Тани. — Она не сходит по твоим стопам.

Хидан оторвал взор от малышки и с вызовом взглянул на подругу.

— Еще как пойдёт! — сказал он. — Имеешь возможность не сомневаться!

Тани замотала башкой, пробуя отогнать от себя это страшное видение. Её дочь совершает кровавые ритуалы и восхваляет саму смерть! Ныне Тани в абсолютной мере отдавала себе отчет целый кошмар в очах мамы, собственно что считалась ей во сне. Что сон не был воспоминанием, он был пророчеством...

Тани проделала бездонный вздох, дабы утихнуть, но чуть ли это несомненно помогло. Как будто издали она услышала напористый глас Хидана:

— И ты также сходишь по моим стопам! Абсолютно скоро!

Тани отшатнулась. У неё закружилась башка, и она только чудом сумела добраться до футона. Упав на него, она взглянула в сторону Хидана.

— Отдыхай пока же имеешь возможность, пупсик, — заявил он с улыбкой.

Последнее, собственно что заметила Тани перед тем, как провалиться в больной сон — малютка на руках у Хидана. Эта небольшая и беспечная малышка, не подозревающая о том, какую угроза таит для неё будущее...

<http://erolate.com/book/1238/35016>